

Ю. П. Бокарев

ТЕОРИЯ МОДЕРНИЗАЦИИ И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

УДК 930.2

ББК 63.01

Изучение западных теорий является необходимым элементом образования экономистов. Но слепое следование их рекомендациям часто приносит вред, а не пользу. Создававшиеся в специфических условиях, западные теории не способны ответить на многие вопросы, актуальные для экономики развивающихся стран и стран бывшего социалистического блока. Более того, они могут быть источником неверных решений при проведении экономических реформ и разработке хозяйственной политики. Примером этому является теория модернизации. Призванная решать проблемы перехода от «отсталости» к «современности», она трактует исторический процесс как линейный и безальтернативный. Поэтому она неоднократно была объектом сокрушительной критики. Тем не менее, теория модернизации остается «руководством к действию» во многих странах с «переходной экономикой». Автор стремится показать, что декларируемый теорией модернизации путь перехода к развитому обществу западного типа на самом деле не существует. Каждая страна должна решать свои проблемы, исходя из потребностей мирового рынка с одной стороны и своих конкурентных возможностей с другой стороны. Попытка повторить путь, пройденный развитыми странами, во-первых, невозможна из-за изменившейся конфигурации мирового экономического пространства, а во-вторых, влечет дезорганизацию и разрушение системы национального жизнеобеспечения.

Ключевые слова: *прогресс, преемственность развития, единство человеческой истории, вестернизация, анклавная модернизация, теория «большого толчка», «порочный круг нищеты», теория зависимости, мировое экономическое пространство, догоняющая модернизация, «инновационная» модернизация*

Истоки теории модернизации

Недостатки экономических теорий заключаются не столько в их ограниченности или внутренней противоречивости, сколько в той мировоззренческой основе, которая принимается их создателями как математическая аксиома, без доказательств. Речь идет не о либеральном или марксистском мировоззрении, а о более глубоких мировоззренческих принципах, объединяющих эти, на первый взгляд, противоположные учения. Я имею в виду три сформировавшиеся в Западной Европе в эпоху Возрождения теории: 1) общественного прогресса, 2) преемственности развития общества и 3) единства человеческой истории.

Именно теории прогресса и преемственности развития позволили выстроить все страны на прямой линии «передовые» — «отсталые», без чего немислима теория модернизации. Что же касается теории единства человеческой истории, ее доказывает взаимозависимость раз-

вития локальных культур. Пионерные в этом плане работы принадлежат О. Конту, Ч. Спенсеру, К. Марксу, М. Веберу и Э. Дюркгейму.

Долгое время под модернизацией понималось изменение какой-либо части вошедшего в человеческую практику устройства с целью совершенствования или расширения его рабочих функций. В дальнейшем, в связи с вступлением человечества в эпоху масштабных общественных изменений, под модернизацией все чаще стали понимать проводимые центральной властью широкие реформы, в той или иной степени связанные с вестернизацией общества.

Классическая теория

В середине 1950-х гг. гарвардские профессора Т. Парсонс и Э. Шилз заложили основу классической теории модернизации. Их основные идеи сводились к следующему. Есть традиционные страны с устоявшейся за века иерархией рангов и статусов, и есть более динамичные демократичные страны. Традиционализм препятствует экономическим и социальным изменениям, а демократическое устройство способствует прогрессу. Поэтому традиционные страны отстают в своем развитии, они остались в средних веках, а демократические

Бокарев Юрий Павлович — д.и.н., г.н.с., заведующий сектором экономической истории, Институт экономики РАН (г. Москва)
E-mail: yurij-bokarev@yandex.ru

развитые страны определяют лицо современности. Миссия США и других развитых стран заключается в том, чтобы привести отсталые традиционные страны в современность.¹

Развиваемое Т. Парсонсом и Э. Шилзом направление стало быстро «обрастать» сторонниками как в США, так и в Европе. Широкое распространение теория модернизации получила в конце 1950-х — 1960-е гг., когда были опубликованы монографические труды Д. Лернера, Н. Смелзера, Э. Хаген, М. Леви, Д. Аптера и др., поднявших классическую теорию модернизации на невиданную для того времени высоту.²

Сторонники теории модернизации считали, что социальные и экономические изменения являются однолинейными и потому менее развитые страны должны пройти тот же путь, по которому шли более развитые государства. Они утверждали, что изменения необратимы и неизбежно ведут процесс развития к определенному финалу — модернизации. С их точки зрения, изменения имеют постепенный, накопительный и мирный характер. Они также полагали, что стадии, которые проходят процессы изменения, обязательно последовательны, т. е. ни одна из них не может быть пропущена. Наконец, они превозносили прогресс, веря в то, что модернизация принесет всеобщее улучшение социальной жизни и условий человеческого существования.

Согласно Н. Смелзеру, модернизация — это комплексное, многомерное изменение, охватывающее восемь областей: 1) в экономике отмечается появление новых технологий; 2) занятия сельским хозяйством перестают быть средством к существованию, происходит их коммерциализация; 3) мускульная сила человека и животных заменяется «неодушевленной» энергией станков и механизмов; 4) население концентрируется в поселениях городского типа; 5) в политической сфере происходит переход от авторитета вождя племени к системе избирательного права, представительства, политических партий и демократического правления; 6) в сфере образования осуществляется ликвидация неграмотности, происходит рост ценности знаний

и квалифицированного труда; в религиозной сфере — освобождение от влияния церкви; 7) в области семейно-брачных отношений — ослабление внутрисемейных связей и все большая функциональная специализация семьи; 8) в области стратификации — усиление значения мобильности, индивидуального успеха и ослаблении предписаний в зависимости от занимаемого положения.³ При этом у каждой страны достаточно сил и средств, чтобы совершить модернизационный скачок. Однако предпринимаемые в каждом направлении шаги должны быть взаимосвязанными и синхронизированными: отрыв одного направления от другого может привести к срыву модернизации.

Шмуэль Эйзенштадт определял модернизацию следующим образом: «Исторически модернизация — это процесс изменения в направлении тех типов социальной, экономической и политической систем, которые развивались в Западной Европе и Северной Америке с XVII по XIX в. и затем распространились на другие европейские страны, а в XIX и XX вв. — на южноамериканский, азиатский и африканский континенты».⁴

Другое определение дает В. Мур: модернизация «является тотальной трансформацией традиционного домодернистского общества в такую социальную организацию, которая характерна для “продвинутых”, экономически процветающих и в политическом плане относительно стабильных наций Запада».⁵

Таким образом, в 1960-х гг. теория модернизации становится весьма обстоятельно разработанным направлением с четко обозначенной целью и подробной маршрутной картой ее достижения.

Первые опыты применения

Популярность и логическая стройность классической теории модернизации быстро привели к попыткам ее воплощения в практике экономических реформ развивающихся стран и стран, выходящих из колониальной зависимости. В 1950–1960-е гг. Р. Нурксе, Х. Лейбенстайн, А. Хиршман, Х. Зингер⁶ и др.

¹ См.: Parsons T. The Social System. Glencoe, 1964.

² Lerner D. The Passing of Traditional Society. Glencoe, 1958; Smelser N. J. Social Change in the Industrial Revolution: an application of theory to the British cotton industry. London, 1959; Hagen E. On the theory of social change. Homewood, IL, 1962; Levy M. J. Modernization and the Structure of Societies. Princeton, 1966; Apter D. Some Conceptual Approaches to the Study of Modernization. Englewood Cliffs; New Jersey, 1968.

³ См.: Smelser N. J. Processes of social change // Sociology: An Introduction. New York, 1973. P. 747, 748.

⁴ Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ: Сравнительное изучение цивилизаций. М., 1999.

⁵ Цит. по: Кравченко И. И. Модернизация современной России // Экономические модели модернизации. М., 2002. С. 16, 17.

⁶ См.: Nurkse R. Problems of Capital Formation in Underdeveloped Countries. Oxford, 1953; Idem. Equilibrating and Growth in the World Economy. Cambridge, 1961.

пытались использовать эту теорию для стимулирования экономического роста стран «третьего мира».

До этого попытки ускорить развитие отдельных стран предпринимались в соответствии с теорией «большого толчка», сформулированной П. Розенштейном-Роданом в 1943 г.⁷ Согласно этой теории, индустриализация, осуществляемая исключительно за счет внутренних средств, как в «Русской модели» (т.е. СССР), происходит медленно и только при наличии в стране сырьевых ресурсов, а также внутреннего спроса на индустриальные товары. При этом участие страны в международном разделении труда заметно снижается. Альтернативный путь может заключаться в предоставлении «индустриализируемой» стране значительных зарубежных инвестиций, а также всех необходимых технологий. Это ускорит индустриализацию и углубит участие страны в международном разделении труда.⁸

Однако на деле зарубежные инвестиции привели к долговой зависимости «индустриализируемых» стран и к коррумпированности их высших эшелонов власти. Тем самым объективно они тормозили модернизацию.

Заслугой сторонников теории модернизации было обнаружение «порочных кругов нищеты», препятствовавших развитию подавляющей части стран «третьего мира». В частности, как писал Х. Лейбенштейн, для аграрных стран характерна такая закономерность: увеличение урожайности вслед за улучшением питания влечет за собой рост численности населения, это приводит к увеличению хозяйствующих единиц, дроблению земельных участков и, как следствие, к падению урожайности.⁹ Были обнаружены и другие «порочные круги нищеты». Все они так или иначе связаны с заметным ростом численности населения при сравнительно небольшом улучшении экономических условий.¹⁰

Причины «порочных кругов нищеты» искали только внутри существующего положения самих стран «третьего мира». В частности, большое значение придавалось коррупции, которая, как считали исследователи, лишала эти

страны необходимых средств для экономического рывка.

Попытки списать неререформируемость на коррупцию до сих пор остаются весьма популярными. При этом не учитывается то, что коррупция и утечка капитала поражают главным образом те страны, где мало возможностей для достаточно прибыльного помещения инвестиций в предпринимательскую деятельность.

Никто не пытался установить, были ли такие «порочные круги» характерны для развитых стран в момент перехода их к индустриальному обществу. Традиционно предполагается, что развитые промышленные страны уже апробировали определенную модель перехода от традиционного к современному обществу, что позволяет смотреть на модернизацию как на разновидность однажды уже пройденного пути, в результате чего «отсталые», «традиционные» общества стали «передовыми» или «прогрессивными». Это породило надежду на то, что можно пройти этот путь еще раз, но тут сторонники теории модернизации основательно ошиблись.

Основной ошибкой классической теории модернизации, как, впрочем, и всех появившихся впоследствии ее модификаций, является игнорирование изменений мирового экономического пространства. Экономическое развитие страны рассматривается на 90 % как логика ее внутреннего развития и только на 10 % как результат внешних воздействий и зарубежной помощи. Это и позволило классикам утверждать, что все общества проходят одни и те же стадии, что сегодняшние неразвитые страны находятся в том же положении, что и ныне развитые — некоторое время назад. Поэтому все, что необходимо для модернизации отставших в своем развитии стран, это помочь им инвестициями, технологиями и связями с мировым рынком.

На самом деле развивающиеся страны являются не «ранними этапами развития» «передовых» обществ, а экономическими образованиями, сформировавшимися под влиянием изменившегося мирового экономического пространства. В нем развитые страны упорядочили свои товарные, инвестиционные и информационные потоки, установили необходимые институты и заняли лучшие экономические ниши.

Бедность стран «третьего мира» проистекает не от того, что они не интегрированы в мировой

⁷ См.: Rosenstein-Rodan P. N. Problems of Industrialisation of Eastern and South Eastern Europe // *The Economic Journal*. 1943. Vol. 53, iss. 210/211. (Jun.–Sep.). P. 202–211.

⁸ Ibid. P. 203, 204.

⁹ См.: Leibenstein H. Economic Backwardness and Economic Growth. *Studies in the Theory of Economic Development*. New York, 1957.

¹⁰ Подробнее об этом см.: Нуреев Р. М. Периферия мирового хозяйства: проблемы догоняющего развития // *Экон. вестн. Ростов. гос. ун-та*. 2004. Т. 2, № 4. С. 37–39.

рынок, но как раз от того, что они являются его частью, занимая в нем наименее прибыльные, подчиненные ниши. Развивающиеся страны поставляют на мировой рынок промышленное сырье и дешевую рабочую силу, что недостаточно для того, чтобы обеспечить населению высокий уровень жизни.

Можно сказать, что в сложившемся мировом экономическом пространстве развивающимся странам не хватает сил, чтобы подняться на следующую ступень экономического развития.

Исключение представляют только страны «антикоммунистического» пояса: Корея, Тайвань, Сингапур и до 1997 г. Гонконг. Развитые страны предоставили им особенно льготные условия. Некоторые исследователи относят сюда и нефтедобывающие страны. Но их положение менее прочное и зависит от регулируемых развитыми странами нефтяных цен.

Если что и удалось добиться развивающимся странам за сорок с лишним лет реформ, так это ценой усиления неравенства создать острова-анклавы современной жизни в море окружающей нищеты. Например, крупные города, подобные Бангкоку в Таиланде, Сан-Паулу и Рио-де-Жанейро в Бразилии, Шанхаю в Китае, Москве и Санкт-Петербургу в России, существенно отличаются от провинции благосостоянием, образом жизни и уровнем и темпами развития. Такая «анклавная» модернизация создает больше проблем, чем решает их, влечет за собой «опустынивание» далеких от центра территорий, лишает провинцию каких-либо возможностей развития.

Проблемы стран, вставших на путь самостоятельного развития, заключаются не в том, чтобы эффективнее, экономичнее и рациональнее применить модернизационную модель, а в том, чтобы перенести ее на национальную почву за счет сочетания собственных традиций и ресурсов и определенной внешней помощи.

Сегодня «эталонный» подход к модернизации вытеснен взглядами на модернизацию как на национальный проект, осуществляемый странами ради уменьшения неравномерности развития, и как на средство преодоления зависимого состояния. Но ведь западные общества, определяющие «лицо современности», — это тоже национальные проекты. Следовательно, развивающимся странам нужна не модернизация, а такой национальный проект, который, не препятствуя развертыванию национальной культуры, откроет дорогу индустриальному развитию.

Критика классической теории модернизации

Первый удар по теории модернизации нанесли ее же разработчики. В 1964 г. Ш. Эйзенштадт восстал против вестернизации современности. Если сравнить западноевропейский и американский варианты капитализма, то можно найти довольно серьезные отличия. Поэтому европейская современность не совсем такая же, как американская. И точно так, как Запад создал для себя западную современность, исламский мир создает для себя исламскую. Так возникло представление о «множественных современностях», «множественных модернах», что, конечно, ставило под вопрос представление о всемирном движении к обществу западного типа. В 1968 г. С. Хантингтон показал, что экономический и социальный прогресс не ведет к стабильной демократии в освободившихся от колониальной зависимости странах. Приверженность народных масс к устойчивому старому быту препятствует преобразованиям, и политическая элита вынуждена навязывать их с помощью авторитарных и диктаторских режимов.

В связи с этим в 1970-е гг. теория модернизации была подвергнута сильнейшей критике, которая перешла в ее полное отрицание. Были признаны неприемлемыми теоретические обоснования идеи модернизации. Прежде всего подчеркивалась нелинейность и многомерность исторического развития, которое осуществляется разными путями в зависимости от стартовых позиций тех или иных обществ и от проблем, с которыми они сталкиваются.¹¹

Отмечалось, что попытки модернизировать общество чаще всего не приводят к ожидаемым результатам. Нищету в странах «третьего мира» преодолеть не удалось, более того, ее масштабы даже увеличились. Не только не исчезли, но и широко распространились авторитарные и диктаторские режимы. Обычным явлением стали войны и народные волнения. Возникли новые формы религиозного фундаментализма, национализма и регионализма, обострив идеологическое противоборство.

Наблюдались также многочисленные негативные побочные эффекты модернизации. Уничтожение традиционных институтов и жизненных укладов повлекло за собой социальную

¹¹ См.: Eisenstadt S. N. *Modernization: Protest and Change*. Englewood Cliffs, 1966. P. 2.

дезорганизацию, хаос и беззаконие, рост девиантного поведения и преступности. Дисгармония в экономике и несинхронность изменений в различных подсистемах общества вели к неэффективному расходованию ресурсов. Ш. Эйзенштадт делает вывод: «Все это не стимулировало (особенно в политической области) развитие институциональных систем, способных адаптироваться к продолжающимся изменениям, новым проблемам и требованиям».¹²

Следующий удар нанесли латиноамериканцы Р. Пребиш, А. Г. Франк, Ф. Э. Кардозу, Э. Фалетто, Т. Д. Сантуш, Р. Ставенхаген, О. Ф. Борда, Э. Т. Ривас др. В своих выступлениях и статьях они утверждали, что теория модернизации не способна вывести страны «третьего мира» из отсталости. В частности, страны Латинской Америки, несмотря на то что они наполнили свои институты американскими советниками и получили колоссальные инвестиции из США, оказались в ловушке отсталости. Главная причина отсталости — зависимость латиноамериканской экономики от экономики США. Зависимые экономически и интеллектуально страны в принципе не могут стать передовыми державами. Узкая социальная база вестернизации в зависимых странах, идущих по пути модернизации, подчинение общих целей модернизации стран практическим задачам извлечения максимальной прибыли путем эксплуатации их дешевой рабочей силы приводили к тому, что вестернизация разрушала традиционный быт и устойчивость развития этих стран, но не делала их западными.¹³

Оппоненты теории модернизации отмечали большую роль внешнего, глобального контекста и внутренних причин. «Любое теоретическое обоснование, которое не учитыва-

ет такие значимые переменные, как влияние войн, завоеваний, колониального господства, международных, политических или военных отношений, торговли и межнационального потока капиталов, не может рассчитывать на объяснение происхождения этих обществ и природы их борьбы за политическую и экономическую независимость».¹⁴ Была поставлена под сомнение и строгая последовательность стадий модернизации: «Те, что пришли позднее, могут (и это вполне доказуемо) быстро модернизироваться благодаря революционным средствам, а также опыту и технологиям, которые они заимствуют у своих предшественников. Таким образом, весь процесс может быть сокращен. Предположение о строгой последовательности фаз (исходное состояние, начальная фаза, переход к зрелости и т. п.), которые должны пройти все общества... ошибочно».¹⁵ Неверными оказались и представления об однотипности институтов традиционных и развитых обществ. Эмиль Дюркгейм писал: «Становится все более очевидным тот факт, что разнообразие институтов, существующих в современных обществах, причем не только модернизирующихся или переживающих переходный период, но и развитых, и даже высокоразвитых, весьма велико».¹⁶ Он полагал, что доминирующей чертой современных обществ является не их сходство, а различие.

После того как были развенчаны главные аксиомы теории модернизации о линейности общественного развития, о его всеобщем, постепенном, стадийном и мирном характере, об универсальности европейского развития, она перестала пользоваться успехом.

Теории модернизации постсоветской эпохи

Крушение социализма, поиски руководством постсоциалистических стран путей перехода к обществу западного типа привели к «воскрешению» идеи модернизации. Подавляющее большинство населения стран Восточной Европы верило в свою идентичность с Европой Западной и относилось к капитализму значительно лучше, чем население самих западных стран. Возникла острая потребность в разработке теории перехода от социалистического к

¹² Idem. Breakdowns of modernization // The Dynamics of Modern Society. New York, 1964. P. 435.

¹³ См.: Prebisch R. A critique of Peripheral Capitalism // CEPAL Review. 1976. № 1; Idem. Socio-economic Structure and Crisis of Peripheral Capitalism // CEPAL Review. 1978. № 6. С. 159–202; Gunder F. A. Capitalism and Underdevelopment in Latin America. New York, 1967; Idem. Latin America: Underdevelopment or revolution. New York, 1969; Gunder F. A. On Capitalist Underdevelopment. New York, 1976; Кардозо Ф. Э., Фалетто Э. Зависимость и развитие Латинской Америки. Опыт социологической интерпретации. М., 2002; Dos Santos T. El nuevo carácter de la dependencia. Santiago-de-Chile, 1968; Idem. Structure of Dependency // The American Economic Review. 1970. Vol. 60. May. P. 231–236; Stavenhagen R. Needs, Rights and Social Development. Geneva, 2003; Edelberto T. R. Repression and Resistance: The Struggle for Democracy in Central America. Reviewed by Abraham F. Lowenthal // Foreign Affairs. 1990. Summer. URL: http://polbu.ru/sztompka_sociology (дата обращения: 11.06.2017).

¹⁴ Tipps D. Modernization theory and the comparative study of Societies: a critical perspective // Comparative Modernization: A Reader. New York, 1976. P. 74.

¹⁵ Huntington S. P. The change to change: modernization, development and politics // Comparative modernization. New York, 1976. P. 38.

¹⁶ Durkheim E. Selected Writings. Cambridge, 1972. P. 422.

капиталистическому социально-экономическому устройству. Это и явилось основной причиной «второго пришествия» теории модернизации. В отечественной литературе существует убеждение в том, что теория модернизации была привнесена в постсоциалистические страны западными политологами, экономистами и социологами, не имевшими иной развитой теории переходных процессов. На самом деле инициатива ее «воскрешения» принадлежит интеллектуалам самих постсоциалистических стран. Что же касается западных специалистов, то среди них продолжало господствовать представление об ошибочности теории модернизации.

В конце 1980-х гг. в докладе «Революция босоногих» Римскому клубу Б. Шнайдер заявил о полном провале теорий модернизации развивающихся стран по образцам развитых. Осуществление этих теорий приносит эффект лишь небольшой части городского населения, тогда как основные массы обречены на нищету. Б. Шнайдер констатировал, что утрата каждым народом собственной культуры в результате модернизации ведет к разрушению экономики, нищете и упадку. О критическом отношении западных специалистов к модернизации свидетельствуют также распространенные среди них теории «частичной модернизации» (общество застревает на стадии одновременного существования старых и новых институтов, блокирующих друг друга), «тупиковой модернизации» (разновидность модернизации, характеризующаяся не развитием общества, а его катастрофическим состоянием), «кризисного синдрома модернизации» (совокупность кризисов, характерных для процесса модернизации).

А. Турен ввел в научный оборот термины «контрмодернизация» и «антимодернизация». Первый термин означал вариант модернизации по незападному образцу («околомодернизация»). К ней он относил социалистическую реконструкцию СССР в 1930-е гг. и стран Восточной Европы, Китая и Северной Кореи в 1950-е гг. Они основывались, как и западная модель, на развитии производительных сил, но проводились в условиях иных социально-экономических отношений. Второй термин означал открытое противодействие модернизации. По мнению А. Турена, стремление перейти от контрмодернизации к антимодернизации является основной тенденцией в странах «третьего мира» во второй половине XX в. Эта тенден-

ция выразилась в повсеместной утрате веры в универсализм разума, науки и техники, с одной стороны, и в стремлении к сохранению национально-культурной идентичности — с другой.

В начале 1980-х гг. была сформулирована теория зависимости от предшествующего развития (path dependency), т. е. эффекта колеи. Ее разработали экономисты Р. Нельсон и С. Уинтер для объяснения процессов адаптации новых технологий в ходе индустриальной эволюции. Сам термин «path dependency» был введен П. Дэвидом в 1985 г. Эта теория указывает на силу инерции общественного развития. Разнообразие форм экономического развития объясняется прежде всего зависимостью этих форм от характера и тенденций развития предшествующей системы. По этой причине быстрый линейный переход стран, обладающих существенными особенностями развития, к экономике западного типа невозможен. Необходима долговременная стратегия перехода, тщательно разработанная и осуществляемая государством.

В постсоциалистических странах развитие основывалось на принципиально иной, чем в западных странах, системе ценностных ориентаций. Попытка пришедших к власти элит переречь прошлое неразумна: переход на западные ценности грозит этим странам экономической и нравственной катастрофой. Однако во всех постсоциалистических странах у власти оказались сторонники поиска западной идентичности. Они провозглашали принадлежность постсоциалистических стран к западной цивилизации, при этом их национальная специфика отвергалась. Реформы, как они полагали, должны вестись в направлении полной идентификации с Западом. В этом усматривался основной смысл «переходного периода».¹⁷

В начале 2000-х гг. появилась теория «трансплантации» эффективных западных институтов в экономику «модернизируемых» стран.¹⁸ Вскоре были предложены вариации «догоняющей» и «инновационной» модернизации.¹⁹ Удивительное дело, до какой степени

¹⁷ См.: Нельсон Р., Уинтер С. Дж. Эволюционная теория экономических изменений. М., 2002.

¹⁸ См.: Полтерович В. М. Трансплантация экономических институтов // Экономическая наука современной России. 2001. № 3. С. 24–50.

¹⁹ См.: Диденко Д. В. Теория модернизации и стратегии трансформации национальной интеллектуальной экономики // Междунар. экономика. 2010. № 11. С. 43–47; Он же, Ключарев Г. А. Профессиональное образование в России: пути догоняющей и инновационной модернизации // Вопр. образования. 2013. № 1. С. 183–204.

многие российские молодые экономисты не понимают мирохозяйственных условий! Инновации в настоящее время являются способом достижения конкурентных преимуществ, а не условием международных торговых договоров.

Теории модернизации в России

В интерпретации многих российских авторов теория модернизации предстает как единственная достойная внимания теория общественного развития. Вот, например, как описывает ее представитель «уральской школы» И. В. Побережников: «По большому счету, существуют две полярные позиции для объяснения различий между обществами. Согласно одной точке зрения, человечество в любой точке земного шара развивается в соответствии с одними и теми же закономерностями; дифференциация же между обществами в большей или в меньшей степени объясняется порядком той фазы развития, на которой они находятся. По другой точке зрения, различия между культурными и социальными агрегатами постоянны и неискоренимы; универсалий, которые можно было бы применить к развитию всего человечества, просто не существует».²⁰

Подобная поляризация видения мира, возможно, и характерна для части российской интеллигенции. Но едва ли она допустима в серьезном научном сообществе, где давно уже отказались от подобной дихотомии и признают наличие как общих закономерностей, так и существенных особенностей развития конкретных обществ. Но даже если бы такое понимание и существовало, то из этого вовсе не следует, что теория модернизации является единственным возможным объяснением общественного развития. Куда девался марксизм, позитивизм, структурализм и другие учения, выводящие социальные перемены из общих закономерностей? При всех недостатках этих теорий они основываются на более глубокой и обоснованной научной традиции, чем теория модернизации.

Вообще, российским сторонникам теории модернизации трудно понять, что она описывает путь только части западноевропейских стран, а именно тех, где произошло соединение трех движений — секуляризма, либерализма и демократизма. В южных европейских странах такого соединения не было, что не

помешало им стать экономически развитыми странами. Если историк И. В. Побережников трактует модернизацию как многоаспектный, всеохватывающий процесс, то для идейного главы Высшей школы экономики Е. Г. Ясина модернизация сводится к сугубо экономическим, почти техническим вопросам. Вот какое определение модернизации он дал на II Международной научной конференции «Модернизация экономики России»: «Прежде всего, уточним, какой смысл мы вкладываем в понятие “модернизация” экономики. Буквально оно означает обновление, ликвидацию отсталости, выход на современный, сравнимый с передовыми странами уровень развития.

Речь идет, во-первых, об освоении производства продуктов современного технологического уровня в масштабах, позволяющих российским компаниям занять достойные позиции на мировых рынках.

Во-вторых, это обновление производственного аппарата, замена устаревшего оборудования и технологий на современные, более производительные.

В-третьих, это органическое включение в новейшие мировые инновационные процессы, полная интеграция в мировую экономику, скорейшее использование всех важных нововведений, в том числе новинок в области организации и управления...

В-четвертых, это переподготовка, перекалфикация или замена кадров, переобучение и перевоспитание людей, если хотите, усвоение иного образа мышления, соответствующего требованиям времени...

В-пятых, это осуществление структурных сдвигов в экономике, формирование производственной структуры, отвечающей критериям развитой индустриальной страны. Это предполагает повышение в ВВП и экспорте доли продуктов с высокой добавленной стоимостью, в том числе продуктов новой информационной экономики, уход от однобокой сырьевой ориентации экспорта».²¹

Е. Г. Ясин рассматривает экономическую действительность как *tabula rasa*. Предполагается, что можно все экономические процессы в одночасье остановить, интересы экономических субъектов перечеркнуть, людей перевоспитать,

²⁰ Побережников И. В. Модернизационная перспектива: теоретико-методологические и дисциплинарные подходы // Третьи Урал. ист.-пед. чтения. Екатеринбург, 1999. С. 16–25.

²¹ Ясин Е. Г. Модернизация российской экономики: что в повестке дня // Экономический журнал ВШЭ. 2001. № 2. С. 159–160. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/modernizatsiya-rossijskoy-ekonomiki-chto-v-povestke-dnya> (дата обращения: 11.06.2017).

внушить им «иной образ мышления» и заставить мировой рынок, перенасыщенный продуктами «новой информационной экономики», покупать такие же продукты из России. Он не понимает основ экономической деятельности, если считает, что страну, не исчерпавшую экстенсивных возможностей развития, можно сразу включить «в новейшие мировые инновационные процессы». Он настаивает на «скорейшем использовании всех важных нововведений, в том числе новинок в области организации и управления», которые, между прочим, рассчитаны на решение совсем иного комплекса задач, чем те, которые реально стоят перед Россией.

Для Е. Г. Ясина проблемы реформирования российской экономики решаются чрезвычайно просто: «Суть структурной перестройки и модернизации в переходный период состоит, в частности, в вытеснении нерыночного сектора и замещении его эффективным рыночным. Трудности трансформации для России во многом объясняются тем, что изначально вся советская экономика была нерыночной, а ее преобразование постоянно сопровождается противоречиями между необходимостью вытеснения нерыночных отношений и предприятий, высвобождением связанных в них ресурсов, а с другой стороны, тяжелыми в каждый данный момент социальными последствиями (подлинными или мнимыми) соответствующих действий. Порой это просто косность, нежелание менять привычные нормы поведения, порой — сопротивление сил, чьи интересы оказываются ущемлены. Всего этого у нас больше, чем в других странах с переходной экономикой».²²

Однако в реальной жизни нет ни «рыночной», ни «нерыночной» экономики. Народное хозяйство любой страны включает как рыночные, так и нерыночные механизмы. Соотношение между ними определяется экономической целесообразностью. Рыночные отношения не всегда эффективны. При распределении общественных благ, социальной помощи, пенсий и льгот для героев и ветеранов, а также в домашнем хозяйстве рыночные механизмы абсолютно неэффективны. В любом обществе экономические отношения в указанных областях осуществляются с помощью государственных институтов и семейных традиций. В то же время нет ни одного общества, в котором большой комплекс экономических

проблем не решался бы с помощью рыночных отношений.

Поэтому задачей реформирования экономики должно было стать не отбрасывание социалистического наследия, а усиление содержащихся в нем рыночных элементов, их полная трансформация в направлении создания доминирующего и эффективного экономического механизма. Но этот путь не обещал быстрых перемен и потому не был принят под предлогом «принципиальной неререформируемости социализма».

Одной из главных причин выбора «шоковой терапии» российской правящей элитой является ориентация на стратегию опережения. Сложная и не обещающая быстрого решения проблема поиска форм соединения российского культурного наследия с идеей развития, поиска в российской культуре установок, этических норм, направленных на активное отношение к миру, на хозяйственное развитие и накопление богатства, оказалась не по росту российской политической элите.

Несостоятельность существующих теорий догоняющего развития очевидна. Допустим, мы поставили цель догнать страны Запада, опираясь на их собственный опыт. Для этого мы должны получить от них, как минимум, новейшие технологии, станки и оборудование. Реально ли это? Обычно страны или транснациональные корпорации не делятся новейшими технологиями. Но допустим, что России это удалось. Какую цену она за это заплатит? Сколько времени займет обучение персонала работе на новом оборудовании? Не уйдет ли экономика западных стран за это время вперед? А это скорее всего так и будет, поэтому догнать развитые страны становится неразрешимой задачей.

Задолго до создания теории модернизации, в 1920 г., выдающийся русский лингвист Н. С. Трубецкой опубликовал книгу «Россия и мир». В ней он отметил ряд тупиков, к которым ведет вестернизация. Во-первых, заимствуя опыт Европы, народы всегда остаются позади европейских стран, поскольку пока они его усваивают, европейская мысль и экономика успевают продвинуться далеко вперед. Во-вторых, усвоение странами чужого опыта отвлекает их от собственной культуры и экономических проблем. В результате разрушается наука, игнорируются отечественные достижения. В-третьих, страны наводняет поток западных

²² Там же. С. 161.

«специалистов», не нашедших себе применения на родине и действующих не лучшим образом.²³ Правда этот урок оказался неусвоенным.

Трансформация российского социума, вызванная целым рядом потрясений в экономической, политической и духовной жизни постсоветской России, является нелинейной, неклассической, со значительными неординарными последствиями, а значит, традиционные приемы преодоления кризисных ситуаций не могут быть продуктивными. Теория модернизации и даже само понятие «модернизация» не отражают адекватно ту степень перемешанности и взаимозависимости социальных явлений, которые реально существовали и существуют в постоянно меняющейся экономической и общественно-политической ситуации в России.

Превратить Россию в сильную и процветающую страну, копируя опыт Запада, невоз-

можно. Еще в конце XX в. Ф. Доббин писал, что такие страны, как Великобритания, США и Германия, даже ставя перед собой одну и ту же задачу — создание сети железных дорог, — не копировали друг друга, а шли совершенно различными путями.²⁴ Тем более, свой путь развития должен быть у России. Я имею в виду не введенные почвенниками соборность и духовность, а черты, создаваемые условиями труда, отличающимися как от западных, так и от восточных.

Надо правильно сформулировать цель. Что мы хотим: создать из России вторую Европу или найти нишу в мировой экономике, в которой у страны будут возможности наращивать производство, улучшать благосостояние своих граждан и сохранять себя как единую социально-экономическую и культурную общность? От правильного ответа на этот вопрос зависит само существование России.

Yuri P. Bokarev

Doctor of Historical Sciences, Institute of Economics of the RAS (Russia, Moscow)

E-mail: yurij-bokarev@yandex.ru

THEORY OF MODERNIZATION AND ECONOMIC DEVELOPMENT

Studying of the western theories is a necessary element of formation of economists. But blind following to their recommendations frequently brings harm, instead of advantage. Western theories created in specific conditions are not capable to answer many questions, actual for an economics of underdevelopment and the countries of the former socialist block. Moreover, they can be a source not the best and even incorrect decisions at realization of economic reforms and development of an economic policy. An example to this is the theory of modernization. Called to solve problems of transition from “backwardness” to “modernity”, it treats historical process as linear and not alternative. Therefore it repeatedly was object of shattering criticism. Nevertheless, the theory of modernization remains “guide to action” in many countries with “transitive economy”. The author seeks to show that the path of transition to a developed Western society, as declared by the theory of modernization, does not really exist. Each country must solve its problems, based on the needs of the world market on the one hand and its competitive capabilities on the other. An attempt to repeat the path traversed by developed countries is, firstly, impossible because of the changed configuration of the world economic space, and secondly, entails disorganization and destruction of the national life support system.

Key words: progress, continuity of development, the unity of human history, Westernization, enclave modernization, the theory of “big push”, “vicious circle of poverty”, the theory of dependence, the world economic space, catching up modernization, “innovative” modernization

REFERENCES

- Apter D. Some Conceptual Approaches to the Study of Modernization. Englewood Cliffs; New Jersey: Prentice Hall, 1968. 380 p. (in English).
- Didenko D. V. [The theory of modernization and strategy of transformation of the national intellectual-intensive economy]. *Mezhdunarodnaya ekonomika* [International Economy], 2010, no. 11, pp. 43–47. (in Russ.).
- Didenko D. V., Klyucharev G. A. [Vocational education in Russia: ways of catching up and innovative modernization]. *Voprosy obrazovaniya* [Education issues], 2013, no. 1, pp. 183–204. (in Russ.).

²³ См.: Трубецкой Н. Россия и мир // Трубецкой Н. Наследие Чингисхана. М., 2000. С. 29–92.

²⁴ См.: Доббин Ф. Формирование промышленной политики: Соединенные Штаты, Великобритания и Франция в период становления железнодорожной отрасли. М., 2013.

- Dobbin F. *Formirovanie promyshlennoy politiki: Soedinennye Shtaty, Velikobritaniya i Frantsiya v period stanovleniya zhelezodorozhnoy otrasli* [Formation of industrial policy: the United States, Britain and France in the period of the formation of the railway industry]. Moscow: Vysshaya shkola ekonomiki Publ., 2013, 480 p. (in Russ.).
- Dos Santos T. Structure of Dependency. *The American Economic Review*. 1970, vol. 60, pp. 231–236. (in English).
- Dos Santos T. El nuevo caracter de la dependencia. Santiago-de-Chile: Universidad de Chile, 1968, 98 p. (in Spanish).
- Edelberto T. R. Repression and Resistance: The Struggle for Democracy in Central America. Reviewed by Abraham F. Lowenthal. *Foreign Affairs*, 1990. Summer. Available at: http://polbu.ru/sztompka_sociology (accessed: 11.06.2017). (in English).
- Eisenstadt S. N. Breakdowns of modernization. *The Dynamics of Modern Society*. New York: Basic Books, 1964, pp. 434–448. (in English).
- Eisenstadt S. N. *Modernization: Protest and Change*. Englewood Cliffs: Prentice Hall, 1966, 166 p. (in English).
- Eyzenshtadt Sh. *Revolutsiya i preobrazovanie obshchestv: Sravnitel'noye izuchenie tsivilizatsiy* [Revolution and Transformation of Societies: A Comparative Study of Civilizations]. Moscow: Aspekt Press Publ., 1999, 416 p. (in Russ.).
- Huntington S. P. The change to change: modernization, development and politics. *Comparative Modernization: A Reader*. New York: Free Press, 1976, pp. 25–60. (in English).
- Gunder F. A. Capitalism and Underdevelopment in Latin America. New York: Monthly Review Press, 1967, 224 p. (in English).
- Gunder F. A. Latin America: Underdevelopment or revolution. New York: Monthly Review Press, 1969, 436 p. (in English).
- Gunder F. A. On Capitalist Underdevelopment. New York: Oxford University Press, 1976, 124 p. (in English).
- Hagen E. On the Theory of social change: how economic growth begins. Homewood: IL: Dorsey Press, 1962, 557 p. (in English).
- Kardozo F. E., Faletto E. *Zavisimosty i razvitie Latinskoj Ameriki. Opyt sotsiologicheskoy interpretatsii* [Dependence and development of Latin America. The experience of sociological interpretation]. Moscow: Institut Latinskoy Ameriki Publ., 2002, 220 p. (in Russ.).
- Kravchenko I. I. [Modernization of today's Russia]. *Etatistkie modeli modernizatsii* [Etatist models of modernization]. Moscow, 2002, pp. 6–30. (in Russ.).
- Leibenstein H. Economic Backwardness and Economic Growth. Studies in the Theory of Economic Development. New York: Wiley, 1957, 295 p. (in English).
- Lerner D. The Passing of Traditional Society. Glencoe: Free Press 1958, 466 p. (in English).
- Levy M. J. Modernization and the Structure of Societies. Princeton: Princeton University Press, 1966, 855 p. (in English).
- Nelyson R., Uinter S. Dzh. *Evolutsionnaya teoriya ekonomicheskikh izmeneniy* [Evolutionary theory of economic change]. Moscow: Delo Publ., 2002, 536 p. (in Russ.).
- Nureev R. M. [Periphery of the world economy: problems of catching-up development]. *Ekonomicheskii vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Economic Bulletin of Rostov State University], 2004, vol. 2, no. 4, pp. 30–59. (in Russ.).
- Nurkse R. *Equilibrating and Growth in the World Economy*. Cambridge: Harvard University Press, 1961, 380 p. (in English).
- Nurkse R. Problems of Capital Formation in underdeveloped Countries. Oxford: Basil Blackwell, 1953, 171 p. (in English).
- Parsons T. The Social System. Glencoe: Free Press, 1964, 575 p. (in English)
- Poberezhnikov I. V. [Modernization perspective: theoretical-methodological and disciplinary approaches]. *Tretyi Uralyskie istoriko-pedagogicheskie chteniya* [The Third Ural Historical and Pedagogical Readings]. Ekaterinburg: UrGPU Publ., 1999, pp. 16–25. (in Russ.).
- Polterovich V. M. [Transplantation of economic institutions]. *Ekonomicheskaya nauka sovremennoy Rossii* [Economic science of modern Russia], 2001, no. 3, pp. 24–50. (in Russ.).
- Prebisch R. A critique of Peripheral Capitalism. *CEPAL Review*, 1976, no. 1, pp. 9–76. (in English).

-
- Prebisch R.** Socio-economic Structure and Crisis of Peripheral Capitalism. *CEPAL Review*, 1978, no. 6, pp. 159–202. (in English).
- Rosenstein-Rodan P. N.** Problems of Industrialisation of Eastern and South Eastern Europe. *The Economic Journal*, 1943, vol. 53, iss. 210/211, (Jun.–Sep.), pp. 202–211. (in English).
- Smelser N. J.** Processes of social change. *Sociology: An Introduction*. New York: Wiley, 1973, pp. 709–762. (in English).
- Smelser N. J.** Social Change in the Industrial Revolution: an application of theory to the British cotton industry. London: Routledge, 1959, 440 p. (in English).
- Stavenhagen R.** Needs, Rights and Social Development. Geneva: UNRISD, 2003, 27 p. (in English).
- Tipps D.** Modernization theory and the comparative study of Societies: a critical perspective. *Comparative Modernization: A Reader*. New York: Free Press, 1976, pp. 62–88. (in English).
- Yasin Ye. G.** [Modernization of the Russian economy: what's on the agenda]. *Ekonomicheskij zhurnal Vyshey shkoly ekonomiki* [Economic Journal of the Higher School of Economics], 2001, no. 2, pp. 157–178. (in Russ.).